

Олег Пустовой

Флотские были

Повесть, рассказы

Олег Пустовой

Флотские были. Сборник прозы

«ЛитРес: Самиздат»

1982

Пустовой О. М.

Флотские были. Сборник прозы / О. М. Пустовой — «ЛитРес: Самиздат», 1982

В книгу входят повесть и рассказы о службе и приключениях на морях и океанах. Вы узнаете о путешествии щенка на большом десантном корабле "Иван Рогов" во время дальнего похода из Калининграда во Владивосток и приключениях убывших в увольнение моряков, случившихся по пути их возвращения на корабль, стоявший в незнакомой бухте. О том, как стая дельфинов отблагодарила военных моряков за освобождение дельфинёнка, запутавшегося в леску от рыболовных снастей. Казус, случившийся при съёмках фильма "О возвращении забыть", открывается в рассказе "Непотопляемый "Тироль".

Содержание

Боцман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Боцман

Повесть

Сюжеты, описанные в этом рассказе, довольно редкая тема для военно-морского флота вообще, а для военно-морского флота Советского Союза – тем более. Повседневная жизнь не предусматривала вольностей на кораблях. Там всё и за всех решалось прописными истинами, утверждёнными Корабельным уставом ВМФ и другими воинскими уставами. Однако благодаря некоторым неординарным личностям из числа командного состава, которые в силу своей благородности обладали добродушным характером и не были лишены чувства юмора, как и самой человечности в целом, описанные сюжеты встречались в единственных случаях, встречаются и будут встречаться всегда. История, предложенная читателю, произошла на большом десантном корабле «Иван Рогов» – головном корабле данного класса. Всё началось ещё задолго до выхода корабля в дальний поход, когда БДК стоял в плановом ремонте на одном из военно-морских заводов Калининграда, бывшего Восточно-Прусского городка Кенигсберга. Далеко от завода, ещё не дойдя до его проходных, возвышалась гигантская громадина многопалубной надстройки корабля-матки. Его корпус, выкрашенный краской шарового цвета, лоснился на солнце, ровным глянец чистой поверхности, привлекая внимание любопытных прохожих. Завод жил размеренной обычной жизнью. В этом хаосе привычной заводской суеты ничем не выделялись последние организационные мероприятия по завершающей фазе ремонта и приготовлению корабля к дальнему походу. Основные ремонтные работы были закончены и БДК ошвартовали у «нулевого» причала, где полностью отсутствовали всевозможные преграды, мешающие получению различного военного снабжения. Мощные военные «КрАЗы» и элегантные «КамАЗы» каждую ночь беспокоили ночное затишье заводских цехов, доставляя на корабль многотонный груз, состоящий из громоздких деревянных и металлических ящиков тёмно-зелёного цвета. Корабль принимал в артвогребца полный комплект боезапаса, который сдавался на берег при постановке на ремонт. На воде в это время не переставали трудиться маломерные суда вспомогательного флота. То и дело, рыская по акватории заводской гавани, они обеспечивали боевой корабль продовольствием, материально-техническим снабжением и сменно-запасными частями, а базовые наливные суда (бункеровщики и водолеи) наполняли корабельные танки горюче-смазочными материалами и питьевой водой. Всё шло своим чередом, соответствуя последним директивам и распоряжениям, предусмотренным Главным военно-морским штабом и службой тыла Дважды Краснознамённого Балтийского Флота.

Следуя приказам и наставлениям вышестоящего начальства, корабль, отправлявшийся на боевое дежурство, должен был совершить контрольный выход в море для проверки его технического состояния и готовности экипажа выполнять любые боевые задачи предстоящей боевой службы. Дальний поход предусматривал длительное одиночное плавание корабля в знойных тропических морях и курсом следования к постоянному пункту базирования водами трёх океанов: Атлантического, Индийского и Тихого, задерживаясь для несения боевого дежурства в районе острова Сокотра – зоне интенсивного судоходства, имеющей для Советского Союза свой определённый стратегический интерес. Конечной целью похода было возвращение корабля в родную базу на Краснознамённый Тихоокеанский флот. Поэтому команде корабля предстояла длительная разлука с буйной береговой жизнью, ставшей для военных моряков такой привычной за полтора года затяжного заводского ремонта. Грустно было расставаться с новыми друзьями-заводчанами и милыми девушками-калининградками, помогавшим морякам в дни увольнений коротать время на танцах в базовом матросском клубе. Особенно не хотелось военморам бросать полюбившихся питомцев, «бра-

тьев меньших» – заводских щенков, прикормленных флотскими харчами и выросших у всей команды на глазах. Моряки просили оставить на корабле хотя бы одного общекорабельного

из большого числа заводских четвероногих друзей. Командир корабля и его заместитель по политчасти долго обсуждали этот щепетильный вопрос в своём узком кругу, придя к единому общему выводу: удовлетворить просьбу экипажа, оставив на корабле самого приспособленного к суровым флотским будням четвероногого питомца. Вопрос оставался открытым до завершения контрольного выхода корабля в море.

БДК «Иван Рогов» оставался стоять у заводского причала последние считанные дни. Для некоторых моряков это были тягостные дни разлуки с оставшимися во Владивостоке семьями, особенно это касалось личностей офицерского состава. Однако моряки срочной службы стоянкой в заводе оставались довольны. Служба, прошедшая на территории завода, многим из них ещё долго будет будоражить юные головы приятными воспоминаниями о вольготной береговой жизни и неповторимых развлечениях в городском увольнении. О весёлых минутах досуга, которые доставляли морякам их четвероногие друзья своими хитросплетёнными трюками. Так получилось, что каждая боевая часть и служба корабля, как-то само собой, определила под своё крыло четвероногого друга, прибывшего к кораблю из числа многих заводских щенков разного окраса и собачьего сословия. Любимцы команды знали свои прикормленные точки и всегда находили там предназначенные им «сахарные» косточки, которые становились для питомцев ежедневной заветной мечтой. Приоритет сложился сам по себе. Так случилось, что мотористы, будучи самой многочисленной командой корабля, первыми выбрали полюбившегося кобеля, которым оказался старый чистокровный боксёр, по неизвестным причинам, лишившийся хозяйского присмотра и оказавшийся на вольных хлебах. Найдя пристанище на судоремонтном заводе, боксёр сделал правильный выбор. По крайней мере, на стоящих в ремонте судах всегда найдутся пищевые отходы, это неоспоримый факт. Тем более на таких кораблях, где экипаж составляет более двухсот человек. Сам по себе боксёр являлся спокойным и ленивым, хотя вид у него был довольно-таки грозный. Чёрная приплюснутая мордашка с оскалом острых кривых зубов, широкий морщинистый лоб, мелкие с красноватым оттенком глаза, втянутая в туловище голова с короткими огрызками ушей, плотно взбитое упитанное туловище, находящееся на коротких кривых ногах и куцый обрубок оставшегося хвоста, всё ещё напоминали о прежней боевитости да крутом норове боксёра. Изобретательные на собачьи клички мотористы нарекли своего подопечного Коленвалом, и он сразу принял понравившуюся всем кличку. Вторым псом электромеханической боевой части, а коротко БЧ-5, была грубошерстная белая лайка с добрыми умными глазами. Шефство над лайкой взяли электрики, и решено было назвать её Фазой, за принадлежность к кокетливому псиному сословию. Электрикам пришлось взять Фазу под свою особую опеку, оберегая её привлекательную натуру от бесноватых и наглых кобелей, крутившихся возле неё круглые сутки. Особо гордились своим четвероногим другом моряки-артиллеристы. Пёс Комендор, имевший громоздкое туловище с крупными тяжёлыми лапами и голову овчарки, являлся страшной грозой для всех собак завода. Постоянно рыская по заводской территории, он часто встревал в различные собачьи перебранки, побеждая зачастую своих соперников. Но бывали дни, когда и самому Комендору прилично доставалось. Тогда он появлялся на борту корабля с кровотокающими ранами и зализывал их, находясь на своём излюбленном месте под носовой артиллерийской установкой, дожидаясь полного их заживления. Был на корабле и всеобщий любимец. Им стал дворняжка по кличке Боцман. Принёс Боцмана на корабль матрос Борисенко, подобравши его совсем маленьким щеночком, замерзающим в расщелине между бетонными плитами ремонтируемой заводской теплотрассы. Тогда Боцман был настолько маленьким, что спокойно размещался в замшевой рукавице, оставшейся от какого-то работяги-сварщика. По своей расцветке он был неповторим. Одно слово – красавец. Его чёрная шерсть с отливом напоминала цвет угля сорта антрацит, резко очертив переднюю часть груди контуром белого треугольника, словно галстуком. Лапки Боцмана напоминали аккуратно надетые беленькие носочки, ровной ниточкой подчёркивая все четыре конечности. Ещё белым бантиком вырисовывался кончик его куцего

хвостика. А маленькая угловатая мордашка, имевшая небольшое врождённое белое пятно, симметрично разместившееся на всю половину левой стороны, внушала к нему добродушие и неподкупный интерес моряков. Свою постоянную прописку Боцман получил в кубрике службы команды. Чтобы выходить его, морякам приходилось покупать в заводской столовой молоко, размешивать в нём мелкие хлебные крошки и подавать такую съедобную тюрю Боцману в глубокой алюминиевой флотской чашке, откуда он с удовольствием сёрбал живительную для него пищу. Заправляясь искусной молочной тюреей, щенок быстро оклемался. С каждым днём он становился подвижней и резвей, часто напоминая о себе своими вредительскими способностями. Случалось так, что на утреннем подъёме один из матросов службы команды долго искал необходимый предмет флотской амуниции, а Боцман тем временем спокойно дремал, свернувшись на этом предмете калачиком в отдалённом углу кубрика. Со временем щенок быстро стал набирать вес и значительно увеличился относительно своих первостепенных размеров, благодаря быстрому привыканию к разнообразной флотской снеди, которую для него лично доставлял корабельный кок, проживавший в кубрике службы команды. Боцман с особым пристрастием приучился набрасываться на увесистые «годковские» мослы, обгладывая их начисто и истребляя всю, поддающуюся его зубам, размякшую ткань кости. Таким образом, безобидный маленький щеночек, благодаря калорийному флотскому довольствию, быстро превратился в плотного коротконогого дворнягу.

Наконец пробило время «Ч», и настал день контрольного выхода в море, день испытания для корабельной силовой установки и сплочённого флотского коллектива, день, определяющий место четвероногих друзей корабельной команды. Рано утром, под перезвон колоколов громкого боя, потревоживших утреннюю тишину завода сигналом «Учебной тревоги», экипаж корабля занял свои места, согласно расписаниям книжек «Боевой номер» и, серая стальная махина, вздрогнув всем своим многотонным корпусом, издала долгожданный пронзительный вой запустившихся газовых турбин, став медленно уводить устрашающий нос от стенки заводского причала. При помощи портовых буксиров, корабль сделал рондо на сто восемьдесят градусов и взял курс в открытое море, одиноко оставляя за собой пенистый шлейф удаляющейся кильватерной струи. Спустя некоторое время БДК «Иван Рогов» прибыл в назначенный квадрат и стал усиленно маневрировать главной силовой установкой, задавая надрывающимся турбинам различные режимы работы. После ходовых испытаний, прошедших с оценкой «отлично», настала очередь показать свою выучку экипажу корабля. Члены команды проявили отличные навыки в тушении «учебного пожара» и «учебной борьбе с водой», одним словом боролись за живучесть корабля, что также было положительно оценено инспекцией из штабных офицеров. После отработки «Учебной тревоги» корабль вернулся в завод и, коснувшись носом пологого бетонированного стапельного спуска, открыл носовую аппарель, выдвинувши на берег свою гидравлическую рампу, словно гигантский язык ихтиозавра небывалых размеров. Оставалось утрясти пустяковые заводские формальности, после чего БДК «Иван Рогов» взял курс на одну из военно-морских баз Краснознамённого Балтийского флота. Неожиданно на море разыгрался незначительный шторм, баллов около пяти, что было совершенно достаточно, чтобы раскачать плоскодонный десантный корабль, шедший в балласте, так сказать, перевозивший в своём танковом трюме, вертолётных ангарах и катерном доке один воздух. Корабль покачивало до самого захода в фарватер, ведущий к военной гавани. Эта монотонная качка отрицательно сказалась не только на салагах, принявших свой первый глоток морской воды в знак традиционного оморячивания, но и на видавших виды «годках», отвыкших во время ремонта от морских походов. Плохо восприняли морскую качку и некоторые четвероногие воспитанники, оставшиеся на корабле для естественного отбора. Из всех четвероногих любимцев оставался равнодушным к морской качке только Боцман, чем и оправдал свою правильную кличку перед моряками. Боцман оказался настоящим корабельным

псом. И кличка ему досталась самая подходящая – истинно флотская, которую он ни на йоту не осрамил. По приходу «Ивана Рогова» в

военно-морскую базу командир корабля, капитан второго ранга Борисов, приказал «списать» с корабля всех нерадивых четвероногих воспитанников, оставив на радость всей команде самого отличившегося, вышколенного всем коллективом службы команды и прошедшего испытание морем – дворнягу Боцмана. В этот же день на него зачитали приказ «О зачислении в состав экипажа и постановке на котловое довольствие». Для ухода за Боцманом этим же приказом были закреплены два матроса. Корабельный врач оформил в городской ветеринарии все необходимые прививки, получил документы, и началась для Боцмана новая жизнь, полная различных неожиданностей да интересных флотских

ключений. Постепенно внедряясь в полноценную флотскую службу и размеренный её ритм, Боцман, со знанием дела, обследовал и обнюхал все новые и незнакомые ему отсеки корабля, постоянно возвращаясь к наполненной личной флотской чашке, где его всегда поджидала вкусенькая косточка с полноценным гарниром. Однако, несмотря на быстрое осваивание всё новых и новых корабельных точек, ему ещё трудно давались уроки перемещения по крутым

корабельным трапам. Конечно, со временем Боцман сумел освоить и эту, не такую уже и простую для него, задачу. Эта хитрая морская наука давалась ему с трудом, но упорство взяло верх, и Боцман умудрился познать все азы техники перемещения по трапам. Вскоре он стал преодолевать эти неудобства в считанные секунды, исключая тренировки по вертикальным трапам, к которым его интерес остыл сразу после первого падения в шахту аварийного выхода из машинного отделения. Он лихо поднимался и спускался по крутым склонам извилистых трапов, без малейшего труда преодолевая неказистые металлические балясины. С первых дней своей службы пёс чётко усвоил звуки колоколов громкого боя, став реагировать на сигналы «Больших» и «Малых сборов», первым встречая команду корабля в местах назначенных построений. Пока моряки бежали к месту построения, Боцман всегда ухитрялся их немного опередить. Останавливаясь на указанном месте построения, он задорно повизгивал и вилял хвостом, нетерпеливо поджидая отставших моряков. Как это у него получалось, и каким чутьём он определял места построений, так и осталось для всех неразгаданной загадкой. Что не говори, а Боцман в этом деле первоклассно разбирался. И что самое интересное: интуиция и чутьё – ни разу не подводили его. Если построение объявлялось на кормовой ВПП (взлётно-посадочной палубе), значит, Боцман первым был там, если на шкафуте, значит, и туда он успевал первым, если же в танковом трюме, то и там он появлялся первее всех. За его короткое пребывание на корабле ещё не было ни одного случая, чтобы пёс пропустил хотя бы одно построение. В то время, когда весь экипаж корабля стоял по команде «смирно», выровнявшись в одну линию и крепко прижив по швам полусогнутые кисти рук, гордо приподняв головы, с гладковыбритыми подбородками, дожидаясь очередной команды дежурного по кораблю, Боцман временно замирал в самом конце строя. Щенок, приняв сидячее положение, тихо постукивал белым кончиком своего хвоста по ярко выкрашенной в зелёный цвет корабельной палубе. Особенную нетерпимость он показывал к морякам, опоздавшим в строй, проявляя её свирепым оскалом и злобным блеском в глазах. Бросаясь под ноги к нерадивым военморам, Боцман с диким лаем подгонял их в строй, то и дело, пытаясь ухватить своими острыми резцами передних зубов за широкий клёш флотской робы. Когда же опоздавший занимал свое место в строю, пёс успокаивался и возвращался на свою исходную позицию. Победоносно ступая по раскалённой солнцем палубе, он медленно повиливал хвостом из стороны в сторону, гордо поглядывая на дежурного по кораблю или старпома. Мол, вот, какой я не простой служака! Могу и погонять кое-кого, если надо. И это милотвидное четвероногое существо никого на корабле не оставляло равнодушным к своей собственной персоне. Понравился Боцман и командиру корабля. Когда капитан второго ранга Борисов выходил «на прогулку по кораблю»: посмотреть, чем живёт и дышит команда, взглянуть на порядок в помещениях и заведованиях моряков, он всегда клал в карман кителя или флотской тужурки несколько кусочков сахара-рафинада. При встрече с Боцманом, наклонялся к нему и, поглаживая по гладкой шёрстке, угощал его сладким кубиком. Боцману так понравился этот сладкий продукт, что при каждой встрече с командиром корабля, щенок становился на задние лапки и лаял до тех пор, пока не получал из рук капитана второго ранга любящую порцию. За такое попрошайничество командир корабля прозвал Боцмана «Взяточником». Новое прозвище быстро приклеилось к щенку, и в кругу особо приближённых к нему лиц Боцмана частенько так подразывали.

Традиционным местом для приёма пищи стала для Боцмана кормовая ВПП. Там в укромном уголке, возле кормовых створок вертолётного ангара, постоянно находилась в полной «боевой готовности» его алюминиевая флотская чашка, приваживая своего хозяина калорийной матросской пищей. Как и положено псу, в чашке всегда находилась дежурная «сахарная» кость, выловленная персонально для Боцмана заботливым коком, давая щенку возможность точить свои молоденькие острые зубки. Доставлял своему подопечному очередной сюрприз, ответственный за его кормёжку, молодой матросик из службы команды по фамилии Заболотный. Случалось и так, что Заболотный терял бдительность. В результате, во время очередного

построения на кормовой ВПП, командир корабля сразу обращал внимание на опустевшую чашку, одиноко стоявшую на своём штатном месте. Такая невнимательность оборачивалась для матроса хорошим внушением. После этого бдительность Заболотного резко повышалась, она даже не удваивалась, а можно сказать – утраивалась. Ведь история пока не помнит таких флотских командиров, которые бы скупались на «богатые» щедротами «подарки» в виде нарядов на службу или на работу. Однажды подобный подарочек отхватил и матрос Заболотный, даже ещё похлеще, так как получил пять суток ареста с отсидкой в корабельном карцере. Произошло это неприятное событие накануне выхода корабля в море, именно в тот самый дальний поход, о котором уже много говорилось. В этот день прибыла на корабль инспекторская комиссия во главе с начальником штаба соединения десантных кораблей. Члены комиссии намеревались последний раз проверить повседневную службу на корабле и готовность команды к получению боевого приказа. Последний раз осмотреть корабль и дать заключение в его пригодности, выучке экипажа и готовности технических средств для выполнения задач дальнего похода. Чтобы щенок не мелькал перед глазами членов комиссии, командир корабля отдал приказ матросу Заболотному спрятать Боцмана до ухода начальства в укромном месте, так, чтобы его наверняка никто не заметил. Заболотный, конечно же, ответил мгновенной реакцией на приказ командира. Он взял ничего не понимающего щенка за шиворот и зашвырнул его в пустующий вертолётный ангар. Вся эта картина нарисовалась прямо на глазах капитана второго ранга Борисова, и этого было достаточно, чтобы командир разразился гневом и выбросил свои эмоции на недалёковидного матроса. В этот же день, сразу после схода на берег всех членов инспекторского смотра, командир корабля построил весь экипаж БДК «Иван Рогов» по сигналу «Большой сбор» для сообщения морякам результатов смотра, не забыв при этом особо отметить заслуги матроса Заболотного, объявив ему, пять суток ареста за нетактичное поведение с корабельным воспитанником.

Вскоре утряслись все беспросветные хлопоты по подготовке корабля к одиночному плаванию, и закончилась для моряков береговая жизнь. Теперь экипажу корабля, батальону морских десантников, вертолётчикам и катерникам предоставлялась возможность проявить свои морские качества в настоящем деле. С выходом БДК в море одна третья часть экипажа корабля была привлечена к несению ходовых вахт и суточных дежурств. Естественно, празднующихся по коридорам моряков поубавилось, даже в так называемое «личное время». Все были привлечены к служебным делам, и Боцман на какое-то время остался без внимания. Он метался по кораблю и не находил себе места, посещая боевые посты и служебные помещения, откуда его всё чаще вежливо выставляли, покуда не нашёл себе пристанище в рубке дежурного по кораблю. Там для него не было никаких ограничений, и он никому не мешал. Место Боцману понравилось, поэтому он стал находиться там постоянно, за исключением мелких отлучек, необходимых для приёма пищи и исправления нужды, не считая прогулок по шкафуту, где он любил радоваться тёплому солнышку. Надо так было случиться, что отхожее место щенок облюбовал прямо на шкафуте, по центру площадки носовой ВПП. Именно посреди круга, выкрашенного белой краской, в самом, что ни на есть, центре. Поглядывая осторожным взглядом по сторонам, он быстрыми прыжками мчался на середину ВПП и, словно юла, начинал вертеться там, пока не подходило время «Ч». Успокоившись, щенок пристраивался на белом трафарете нарисованной единицы и начинал справлять естественные потребности. Командир, находясь на главном командном пункте, часто наблюдал эту картину и стал стыдить Боцмана. Он включал прибор громкоговорящей связи «Каштан», и по шкафуту гремел чёткий, хорошо узнаваемый голос:

– Боцман! Ай-йай-йай! Как не стыдно, а, Боцман!?

Услышав голос Борисова, Боцман виновато крутил своей мордашкой, явно не улавливая, откуда произносился стыдящий его голос. Слегка поскуливая, он внимательно всматривался в разные стороны, пытаясь самостоятельно разобраться в такой щекотливой ситуации. Тогда

Борисов давал щенку «добро», одобряя его сообразительность, и по корабельной трансляции звучала команда:

– Матросу Борисенко прибыть на шкафут!

Услышав команду, матрос Борисенко, вестовой мичманской кают-компании, брал смётку, совок и мигом прибывал на шкафут. Являясь ответственным за отхожими делами Боцмана, Борисенко всегда старался выполнять свои обязанности исправно и быстро, иногда заставая щенка в самом разгаре затянувшегося ответственного момента. В данной ситуации матросу доводилось дожидаться конца «прелюдии», которую так некстати совершал всеобщий корабельный любимец. Затем он сразу приступал к работе, чтобы отходы «пищекомбината» неугомонного щенка не задерживались надолго и не приводили в непристойный вид самую заметную часть корабельной палубы.

Проходя европейские проливные зоны, Каттегат и Скагеррак, Ла-Манш и Па-де-Кале, в узостях которых виднелись берега стран участников военного блока НАТО корабль то и дело, облетали маленькие двухместные вертолёты. Они, словно стрекозы, кружились вокруг грозной боевой единицы, пытаясь уловить интересный факт из жизни советских военных моряков. На воде же, тем временем, рыскали небольшие катера и военные патрульные корабли. Люди, находящиеся в них были одеты в военную униформу и гражданские костюмы. Там, в основном, находились любопытные журналисты и профессиональные разведчики. Прижимая к плечу надёжные видеокамеры ведущих западных производителей или с любопытством всматривающиеся в объективы своих «Никонов» и «Кодаков», они пытались приготовить с ног сшибательные репортажи и богатые иллюзиями сенсационные материалы для местных газет. Боцман, конечно же, не мог упустить такой исторический момент. Он выбежал на главную палубу, становился на задние лапки, осторожно упираясь передними на упругие, жёстко натянутые леера, выставляя при этом на всеобщее обозрение витиеватые полоски «беленьких носочков» передних лапок и, злобно осматривая иностранцев, заводился звонким неугомонным лаем, заранее предвкусывая их злые умыслы.

Не обошлось без приключений и в Бискайском заливе, где минимум триста пятьдесят дней в году свирепствуют шторма. Досталось там и БДК «Ивану Рогову», который попал в семи балльный осенний шторм. Тяжёлые свинцовые волны грозного Бискайского залива устрашающе набрасывались на одинокий корабль с неугомонной штормовой силой, раскачивая при этом огромную военную посудину, словно маленький прогулочный катерок. Местами крен корабля достигал тридцати, а то и все тридцать пять градусов. Такие опасные манипуляции природной стихии заставляли моряков, как никогда, максимально быть внимательными на боевых постах и в корабельных отсеках, не теряя бдительности, достойно переносить все тяготы флотской службы. Несмыаемый осадок оставил бурлящий Бискай и в собачьей памяти Боцмана. Выпрыгнув во время качки в узкий корабельный коридор, щенок попытался преодолеть необходимое расстояние в пару прыжков, как это он обычно и делал по нескольку раз на день. Но не тут то было. В самый неподходящий момент корабль качнуло, и он круто накренился на левый борт, а обеспокоенный Боцман, стукнувшись головой о металлическую переборку, в миг отпрыгнул на другую сторону, резко теряя установившееся равновесие. Присев на палубу, он осторожно оглянулся вокруг, никак не понимая: что именно с ним произошло, и кто это так отчаянно стукнул его по голове? Щенок чётко помнил, что раньше в этом месте для него не существовало никаких преград, и этот пустынный коридорчик он преодолевал в считанные секунды.

Немного передохнув, Боцман пришёл в себя и снова решил повторить попытку, несостоявшегося с первого раза прыжка. Однако корабль к тому времени накренился в правую сторону и, Боцман снова стукнулся, но уже в противоположную переборку. И разница была только в том, что удар пришёлся с другой стороны головы. Получилась такая вот печальная несправедливая симметрия. Совсем растерявшись и перестав ориентироваться в происходящей ситу-

ации, Боцман придвинулся к противоположной переборке, куда его понесло силой очередного крена, припал всем туловищем к палубе и жалобно заскулил. Понимая своё безвыходное положение и, не надеясь на постороннюю помощь, он вдруг стал размышлять, словно человек, оценивая сложность настоящего момента. Щенок скулил и думал, пытаясь разобраться в происходящем и – разобрался. Понимая, наконец, что происходит, он каким-то непонятным чутьём вычислил амплитуду монотонных колебаний корабля, выждал подходящий момент, когда корабль встал на ровный киль, и получилась незначительная задержка в очередном резком крене и, сделавши несколько быстрых отчаянных прыжков, оказался возле подмостков трапа, ведущего на вышестоящую палубу. Здесь щенок снова прилёг, переждав, пока корабль достигнет равновесия, чтобы за эти несколько секунд продлить свой стремительный прорыв. Так Боцман наловчился передвигаться во время невыносимой бортовой качки. Никто его не учил таким военно-морским хитростям, он до всего доходил сам, своим необычным собачьим умишком.

Выполняя задачи боевой службы в Красном море, БДК «Ивану Рогову» пришлось пополнять запасы жидких грузов от танкера-снабженца «Ахтуба». Танкер подошёл к левому борту корабля и, пришвартовавшись лагом, стал выполнять поставленную перед ним задачу. Чтобы обезопасить сообщение с танкером в самом подходящем и безопасном месте, пришлось вооружить трап, жёстко закрепив его для большей надёжности и полной безопасности крепкой каболкой. На БДК был хорошо оборудован стоматологический кабинет и военврач стоматолог, пересевший на «Рогов» из штабного корабля управления «Баскунчак», стал регулярно принимать моряков, страдающих зубной болью. Узнав о наличии на корабле стоматолога, несколько, остро нуждающихся, членов экипажа танкера попросили разрешение у командира БДК на получение квалифицированной помощи. Командир, естественно, положительно воспринял просьбу моряков танкера и дал своё командирское «добро». Но всё оказалось не так просто, как казалось на первый взгляд. Получив разрешение, несколько членов экипажа танкера попытались пройти на борт корабля, но на трапе их встретил грозный лай озлобленного Боцмана, который явно был против посещения посторонними лицами военно-морской боевой единицы. Щенок решительно встал посреди узкого трапа, конкретно препятствуя проникновению на корабль гражданских лиц. Картина была ошеломляющей и не требующая комментария. Маленький корабельный пёсик с диким рвением, злобно выставив передние резцы, смело бросался на «чужаков», стараясь всячески препятствовать проникновению танкеристов на борт корабля. Попав в безвыходное положение, один из гражданских моряков раздражённо крикнул в сторону проходившего мимо мичмана Воронина:

– Товарищ, мичман, прикажите матросикам убрать псину, не то скоро за щиколотки начнёт цепляться!

– А он у нас так просто не уйдёт, да и вас не пропустит, если, в конечном счёте, не примите его условия, – с иронией в глазах произнёс в ответ весёлый мичман.

– Что же у него за условия такие? – прозвучал неотвратимый вопрос со стороны больных.

– Да условия проще простого, возьмите чего-нибудь вкусенького, конфетку или кусочек рафинада, а подойдя к Боцману, угостите его с добрыми намерениями, – улыбнулся мичман и продолжил. – Он ведь у нас большущий взяточник. Только таким макарон и пропустит, по-другому уж, никак не получится.

Такое обстоятельство заинтриговало танкеристов, и они повелись на шутку сообразительного мичмана. Через пару минут, танкеристы снова встали на пути агрессивного Боцмана. У каждого в руках было соблазнительное откупное, в виде кусочка шоколада или затерявшейся в кармане «ириски». Подойдя к щенку, который до последнего момента продолжал извергать свой злобный лай, они стали подсовывать ему откупное. Боцман же, получив очередную сладость, спокойно пропускал «чужака» на корабль. Проглатывая сладкую приманку, он тут же набрасывался на следующего посетителя, ещё больше входя в раж от предстоящего важного

момента. Так просто и впечатляюще он получил пользу от мучившихся зубной болью моряков танкера «Ахтуба».

Более забавное приключение произошло с Боцманом в Индийском океане. Тогда «Иван Рогов» находился на якорной стоянке вблизи затерянного в Аравийском море острова Перим. Выбрав удобную бухточку, опалённую тропическим знойным солнцем и овеянную тёплыми тропическими ветрами, командир корабля решил устроить морякам маленький праздник. Стоял погожий солнечный день, и зеркальный морской штиль манил на свои просторы глянцевой бирюзой чистой поверхности. На корабле праздновали Международный день солидарности трудящихся – Первое Мая. Под торжественные звуки государственного гимна на праздничном утреннем построении были подняты Государственный и Военно-Морской флаги СССР, а также стеньговые флаги и флаги расцветивания. На праздничное построение вышли: флагманский офицер, капитан первого ранга Двуреченский, и командир «Ивана Рогова», капитан второго ранга Борисов. Они поздравили личный состав корабля, морского десанта и палубной авиации с праздником всего прогрессивного человечества. В честь большого праздника командование получило разрешение от руководителей дружественного Йеменского демократического государства для увольнения моряков на необитаемое побережье острова Перим. Командир корабля согласовал это мероприятие с командирами подразделений и боевых частей, после чего, дал «добро» одной третьей части экипажа и десанта убыть на берег. Естественно на берег были отпущены все, кто не был задействован на вахтах и дежурствах, чтобы не наносить ущерб боевой готовности корабля. Решено было отправить на берег и Боцмана, дав ему возможность насладиться свободой на чистом песчаном берегу небольшого острова. Под вопросом оставался способ транспортировки Боцмана с корабля на плашкоут, маленький десантный катер, вмещавший на своей трюмной площадке всего одну единицу боевой техники морского десанта. По штормтрапу Боцману ещё не приходилось спускаться, и никто не мог знать, как он поведёт себя в предстоящей ситуации? Однако, как говорится, «голь на выдумки хитра», посему матросы стали быстро соображать. Они поместили своего любимца в большой мешок и с помощью капронового фалиня легко опустили на палубу плашкоута. Уже через несколько минут десантный катер причалил к пологому песчаному побережью, и развесёлая толпа военморов вместе со своим четвероногим воспитанником резво сошла по спущенной аппарели на безлюдный, до определённого времени, берег. На берегу Боцмана пришлось привязать к небольшой финиковой пальмочке, чтобы он не опьянел от ощущения под собой земной тверди и не умчался, на поиски новых приключений. Надо было видеть, сколько в нём было неподдельной собачьей радости! Возбуждённо бегая вокруг одинокой пальмочки, щенок разгребал в разные стороны тёплый сухой песок и, находя там маленьких крабов-песчаников, пытался к ним дотронуться своей любопытной мордашкой. Потревоженные Боцманом крабики были похожие на длиннолапых паучков. Они разбегались в разные стороны, увидев перед собой страшно рычащее четвероногое явление. Заметив песчаника, Боцман пытался схватить его прыткой собачьей хваткой, но наткнувшись на острые шипы поднятых кверху клешней, резко отпрыгивал в сторону и начинал повизгивать от непонятных неприятных болевых ощущений. Конечно же, любопытство брало верх, и он продолжал преследовать свою жертву, пока крабик не отползал на более безопасное расстояние. Взволновано гоняясь за этой мелкой живностью, он вертелся вокруг песчаников юлой, то и дело, пытаясь ухватить, хоть одного из них, за неказистые клешни, агрессивно поднятые вверх. Вдруг один крабик осмелился крепко уцепиться своей острой клешней за мордашку щенка, и над побережьем тревожно прозвучал протяжный жалобный визг обиженного Боцмана. Быстро образумившись, он стал тереться мордашкой о сухой рассыпчатый песок, пока совсем не освободился от наглого песчаника. Полностью освободившись от неказистого хитреца, Боцман немного поругал его протяжным свирепым рыком и снова стал радоваться, гоняясь за песчаниками, словно совсем ничего не произошло, только изредка напоминая о себе задорным собачьим лаем. Тем временем, первая партия моряков готовилась к

посадке на плашкоут для убытия на корабль. Пришло время и матросу Заболотному покидать этот удивительный райский уголок. Являясь ответственным за Боцмана, он отвязал его от пальмочки и, посвистывая, приглашал следовать за собой. Но не тут-то было! Только теперь Заболотный понял, что допустил непоправимую ошибку. Освободившись от привязи, Боцман задал такой «кардибалет», что растерявшемуся матросу пришлось прибегнуть к помощи сослуживцев, дабы поймать беспокойного щенка и доставить на корабль в целости и сохранности. Теперь воистину стало понятным мудрое народное изречение: «Как с цепи сорвался». Конечно, щенку на берегу было вольготней и здорово понравилось играть с крабиками, поэтому возвращаться на корабль у него, явно, не было особого энтузиазма. Вяло перебирая лапками по влажному песку, плотно утрамбованному морским прибором, Боцман покорно следовал за ответственным матросом, крепко держащим его за натянутый поводок. Плашкоут уже рычал запущенным движком, нервно дожидаясь его величества корабельного дворняжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.